

Ефим Шаров

Поэты-суриковцы
Михаил Праскунин
и Иван Морозов

* * *

Отрывок из статьи
«Четыре встречи»
(о С. Есенине)

Из «Литературных воспоминаний»

Луховицы
Издательский Дом
«СЕРЕБРО СЛОВ»
2013

УДК 821.161.1-3 Шаров
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Ш26

ISBN 978-5-906438-XX-X

Шаров Е.Е.

Поэты-суриковцы Михаил Праскунин и Иван Морозов;

Отрывок из статьи «Четыре встречи» (о С. Есенине).

Из «Литературных воспоминаний». / Ред.-сост. В.В.Когтев. –
Луховицы: Издательский Дом «Серебро Слов», 2013. – 32 с.

© Шаров Е.Е., 2013

© Когтев В.В., составитель, 2013

© Минаев Д.В., обложка, 2013

© Издательский Дом «Серебро Слов», 2013

ООО Издательский Дом «Серебро Слов»

Телефон: 8(926) 433-33-99

E-mail: serebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Ефим Ефимович Шаров (1891-1972) – активный член Суриковского литературно-музыкального кружка. Он был хорошо знаком с нашими земляками – поэтами М.В. Праскуниным и И.И. Морозовым. В 50-е годы XX века Е. Шаров написал «Литературные воспоминания», где, конечно же, пишет и о своих друзьях-коллегам из Луховицкого края.

В 1959 году, после смерти Михаила Васильевича Праскунина, по просьбе редакции Луховицкой газеты «Путь к коммунизму» Шаров передал отрывок из своих воспоминаний для публикации. А в следующем, 1960 году, в той же (нашей) газете были опубликованы главы, посвященные И.И. Морозову. К сожалению, эти публикации в наше время почти совсем неизвестны читателям. Поэтому мы и решили переиздать интереснейшие материалы, хранящиеся лишь в газетных подшивках, в виде книги, чтобы сделать их таким образом достоянием общественности и данью уважения нашим славным землякам, в честь их юбилеев: в 2012 году – 135 лет со дня рождения М.В. Праскунина; в 2013-м – 130 лет со дня рождения И.И. Морозова.

Мы сохранили названия глав, данные газетой «Путь к коммунизму», но в тексте самих записок сделали необходимые и существенные, на наш взгляд, примечания. В связи с этим мы хотим выразить благодарность за помощь правнуку И.И. Морозова Сергею Владимировичу Лысенко – автору биографических статей о наших земляках-поэтах в словаре «Русские писатели. 1800-1917».

Кроме этого, мы публикуем отрывок из статьи Е. Шарова «Четыре встречи», посвященной Сергею Есенину (статья была опубликована в журнале «Дон», 1971 г., №1). Отрывок интересен для нас, луховичан, прежде всего тем, что свидетельствует о знакомстве Ивана Игнатьевича Морозова с Сергеем Александровичем Есениным, состоявшемся уже в конце 1912 года, что является для исследователей и всех заинтересованных читателей важным фактом.

Вообще, надо сказать, что «Воспоминания» Е.Е. Шарова (полностью никогда не публиковавшиеся) являются бесценным литературным документом, свидетельством эпохи, в которой достойное место занимают и сам Шаров, и наши земляки – Михаил Васильевич Праскунин и Иван Игнатьевич Морозов. Поэтической эпохи Сергея Есенина!

Надеемся, что эта книга вызовет большой познавательный интерес у наших читателей.

Выражаем благодарность журналисту О.А. Иосипенко, библиографу В.Н. Родниковой, а также сотрудникам краеведческого центра Рязанской областной библиотеки им. Горького за помощь в разыскании публикаций Шарова.

В.Когтев

Писатели-суриковцы и М.В. Праскунин

(Отрывки из «Литературных воспоминаний»)

*«...Мне тяжела... его утрата
Он духом чист и благороден был...
Имел он сердце нежное, как ласка,
И дружба с ним мне памятна, как сказка...»*

Н. Огарев

1

1909 – 1911 годы... Суриковский литературно-музыкальный кружок в Москве переживает полосу наибольшего расцвета. Председателем кружка становится Максим Леонович Леонов (отец известного советского писателя Леонида Леонова), только что вернувшийся из тюрьмы, где он отсиживал «положенное» за издание в годы первой революции журнала «Пауки и мухи». Леонов сразу же по возвращении приступает к изданию сатирического журнала «Балалайка», который и выходил два раза в неделю.

В эту пору поэт-столяр Петр Травин успел уже наладить издание еженедельной газеты «Доля Бедняка», журнала «Остряк» и всяких листовок «Копеек-злодеек», а поэт-ткач Филипп Шкулев начинает выпускать сначала газету «Новая пашня», а потом журнал «Народный рожок».

Рожденные в муках безденежья и преследования царской цензуры, журналы стали объединять разрозненные силы писателей – самоучек, писателей – выходцев из трудового народа, которые тогда группировались вокруг Суриковского кружка.

Как грибы после дождя, стали появляться и другие такого же рода издания. Выходят и быстро закрываются цензурой или прекращают существование по материальным соображениям журналы «Народная семья», «Гусли», «Балагур», «Родная свирель», «Заноза», «Мужицкая правда».

На страницах этих изданий замелькали имена до тех пор неизвестных поэтов и беллетристов – суриковцев: Е. Нечаева, М. Праскунина, М. Савина, Ф. Шкулева, В. Миляева, И. Морозова, Г. Завражного, М. Тихоплесца, С. Кошкарлова и многих других.

Было несомненно, что с появлением отряда писателей из среды трудового народа в русской литературе первого десятилетия XX века обозначилась совершенно новая литературная струя. Замелькали фельетоны, очерки и рассказы, насыщенные жалобой на эксплуатацию трудящихся, зазвучали стихотворения, наполненные протестом против носителей власти, против богачей, церкви. Правда, в творчестве суриковцев еще не намечалось правильного понимания социальных отношений, не чувствовалось классовых революционных стремлений индустриального пролетариата. Но несомненно было одно, что мы вступали в полосу общественных отношений, когда в лице этой группы писателей стали явственно обозначаться желанные ростки пролетарской литературы.

Изданий, где бы научно обоснованно ставились рабочие вопросы, где бы заострялась проблема эксплуатации и оттачивалось напряжение классовой борьбы, тогда еще почти не было. Разгромленные после первой революции социал-демократические организации к 1909 году не успели развернуть издание рабочих газет. Тяга к знанию повседневной жизни, стремление видеть художественно отраженное в литературе положение трудящихся назревали с очевидностью. И жажда к чтению удовлетворялась вот этими народными журналами и листовками.

Наравне с литературой суриковцев в те годы предприимчивые издатели лубочной литературы наводняли книжный рынок всякой дребеденью вроде бульварных романов «Пещера Лейхтвейса», «Дочь почтальона», «Джек-Потрошитель», выходивших копеечными выпусками с продолжением.

У меня, любознательного юноши, за отсутствием в то время систематического образования, критического отношения к периодической литературе быть, конечно, не могло. Но инстинкт рабочего меня все же уводил от желтопресной стряпни к журналам, подобным «Рожку» и «Балалайке». Правда, читая их, вспоминались стихи Никитина, Сурикова. Это и понятно. Поэты, заполнявшие народные издания, порой перепевали бесхитростные мелодии своих более талантливых предшественников. Поэтому в стихах часто слышалось больше унылой жалобы, нежели боевого протеста. И поэты иногда сползали на анархизм, либеральное народничество, смешивая свой протест с какими-то неопределенными надеждами на бога:

*«...Господи, сколько работы,
Некогда даже вздохнуть.
И от нужды и заботы
Вся истомилась грудь...».*
(С. Дрожжин)

Но в сатирических стихах наиболее талантливых молодых поэтов-суриковцев звучали и такие значительные строки:

*«...В живых стихах, могучей прозе
Больных, расслабленных врачей.
Кто лепит храмы на навозе
И хочет Русь держать в угрозе,
Ты тех сатирую бичуй...».*
(М. Праскунин)

В немалой степени творчество суриковцев питалось тогда и соками литературы, во главе которой стоял А.М. Горький, литературы, которая готовила промышленный пролетариат к организованному бою. В одном из тогдашних сборников «Знание» прозвучала, подхваченная потом и изданиями суриковцев, талантливая поэма «О бедном Макаре». Среди звонких стихов ее было такое четверостишие:

*«Забросил Макарушка наш все пиры
От глупой своей от кручины,
Не хочет он больше ни вкусной коры,
Не хочет и вкусной мякины...».*

Все это не могло не подкупить и мою увлекающуюся натуру. Прочитав один-другой номер журнала суриковцев, рука тянулась к следующим подобным изданиям. На современную литературу тратились последние пяточки, часто даже за счет недоедания.

2

Как раз в эти 1909-1911 годы я посещал Сухаревские вечерние курсы для рабочих. Я готовился тогда к экзамену экстерном на звание учителя. На этих курсах и познакомился со

сверстниками, которые потом стали тоже видными членами Суриковского кружка. Это – поэт Матвей Дудоров, племянник известного тогда, жившего в деревне поэта-крестьянина С.Д. Дрожжина, и Константин Ковалев, впоследствии редактор – издатель газеты «Рабочий день» и журнала «Эхо».

Осенью 1910 года мы организовали на курсах нелегально журнал «Вперед», который К. Ковалев, работавший тогда конторским учеником в банке, сам печатал на пишущей машинке. Журнал выпускался еженедельно. Из преподавателей тайну о журнале мы доверяли только Е. П-вой, связанной, как потом мы узнали, с социал-демократической организацией.

Но в «ремингтонном» журнале «Вперед» вскоре нам стало тесно, и мы делали попытки напечататься в журналах суриковцев, как наиболее доступных и близких по духу.

Как-то рано утром, проходя по Цветному бульвару на работу в типографию, я увидел городских, которые вели по мостовой человек пятнадцать проституток. Явление для тех лет – обычное. Их «наловили» ночью на бульваре и, как «безбилетных», вели сначала на регистрацию, а потом в больницу на освидетельствование. Лица у проституток бледные, истомленные; глаза сверкают озлоблением, протестом.

Под впечатлением виденного я написал нечто вроде очерка, озаглавив его «Их ведут». Друзья по журналу «Вперед» одобрили написанное, очерк был направлен в редакцию «Доли бедняка».

Через некоторое время мы ликовали победу. Да и как не ликовать: ведь очерк был напечатан в настоящей газете!

В первый же выходной день, одев новенькую суконную «пару», купленную в рассрочку где-то на Трубной улице у Рабиновича, отправился в редакцию газеты. Она помещалась на Домниковке. Как сейчас помню грязный двор захолустного дома и в глубине двора дворничью будку. Вхожу. Убогий, сколоченный на козелках стол красовался посреди маленькой захлащенной комнатухи; две ломаные табуретки и один стул довершали меблировку ее. В углу – куча разных газет.

Судьба не особенно жаловала меня домашним бытом. Я видел всякие трущобы, но здесь спасовал. Полагая, что попал в засаду к грабителям, в силу, видимо, инстинкта самосохранения и, боясь за свою единственную праздничную «пару», я так быстро попятился назад, к двери, что с трудом разглядел «бандита» в желтой кепке и сером с рванными рукавами пиджаке.

Только выбежав из будки и промчавшись по грязному двору, почувствовал себя в безопасности... До гонорара ли мне здесь было!

Немного позднее я узнал, что в дворницкой будке действительно помещалась редакция «Доля Бедняка», а не засада грабителей. А «бандит» в кепке был не кто иной, как поэт Михаил Праскунин, сатирическими стихами которого тогда все зачитывались.

В следующий выходной день я все-таки познакомился с Михаилом Васильевичем. Он узнал меня и долго смеялся, когда я рассказал о причине моего тогдашнего бегства из редакции.

М.В. Праскунин был единственным платным сотрудником в газете. За 20 рублей в месяц он выполнял обязанности секретаря редакции, экспедитора и рассыльного. Редакция перебивалась, как он говорил, «с хлеба на воду» и за отсутствием денег часто вынуждена была менять помещения редакции, отыскивая их в самых трущобных районах города. О гонораре сотрудникам не могло быть и речи. Весь основной материал для газеты готовили сам редактор-издатель Петр Травин, подписывавший свои злободневные фельетоны псевдонимом «Дед Травоед», и М. Праскунин, заполнявший номер стихами, часто подписывая их «М. Подлесный». Сторонние сотрудники – поэты и беллетристы – суриковцы отдавали свои вирши Травину «в кредит», до «более лучших времен».

3

Мороз ранней зимой особенно чувствителен. Звезды яркие на черно-синем бархате неба перемигивались с нашими глазами, радостными и радужными, как звезды. Почти рысью бежали мы в наших ветхих пальтишках по 1-му Самотечно-му переулку, где в доме №12 помещалась редакция журнала «Балалайка», а при ней и квартира издателя этого журнала М.Л. Леонова. Вернее, редакция была при квартире. Меня, Дудорова и Ковалева издатель (он же и редактор, хотя на обложке журнала и стояла фамилия М.М. Чернышовой) в первый раз пригласил к себе на «Литературную субботу». По субботам у Леонова еженедельно собирались литераторы. Это – очень удобный день: обычно вечером долго засиживались и в вос-

кресенье не надо было рано вставать, чтобы торопиться, как обычно, на работу, а рабочими и служащими были почти все писатели – суриковцы.

«Балалайка» был в 1910 году наиболее материально окрепшим журналом. Он печатался на 8 страницах в две – три краски и стоил 2 копейки. На титульном листе журнала был размалеван фантастический народный сатир с балалайкой в лапах. Под рисунком из номера в номер девиз:

*«Времена хотя жестоки,
Хоть живем во власти тьмы,
Все ж осмеивать пороки
С балалайкой будем мы».*

Литературный материал и рисунки М. Леонов (он сам писал под псевдонимом «Максим Горемыка») подбирал умело, продуманно, а потому и тираж журнала всегда держался на таком уровне, что давал издателю возможность, нанимая небольшую квартиру, скромно жить и даже устраивать еженедельные литературные встречи.

В маленькой столовой обычно на столе ставился огромный самовар, на тарелках раскладывались бутерброды с колбасой и сахар. На большее, конечно, жрецы скромного Парнаса и не претендовали.

Эта первая для меня у Леонова «Суббота» особенно хорошо запомнилась потому, что на ней я увидел, так сказать, «столпов» из писателей-суриковцев, пользовавшихся в то время среди трудового читателя популярностью. Их из скромности называли «стариками».

Кроме вначале упомянутых мною фамилий, здесь были И.А. Белоусов, Н. Волков, С. Брусов, С. Ганшин, Я. Морозов-Мещерский, Б. Егунов, В. Горшков и многие другие. До чая гости группами размещались в столовой и в маленьком кабинете Леонова. Имена большинства из присутствовавших мне были знакомы по напечатанным в разное время их стихам и рассказам.

Здесь же я познакомился с симпатичным юношей – романтиком – таким же начинающим, как и я, С. Соковниным, работавшим экспедитором на почтамте. Соковнин говорил мне о заслугах каждого «старика», по очереди показывая их.

– Ах, это и есть Шкулев! Ах, это и есть Белоусов, Нечаев, Завражный! – удивлялся я по простоте душевной, оглядывая с ног до головы каждую знаменитость. Про себя я думал: «Так вот каковы настоящие писатели!».

Соковнин, очевидно, желая мне показать, что он с ними «запросто», подходил к каждому из писателей, заговаривал с ними и подводил меня.

Поэтесса М.М. Чернышова – жена Леонова – пригласила к чаю. Так как столовая была крохотной, а людей было много, публика приманивалась кто на подоконниках, кто в кабинете у Леонова, а кто просто прислонившись к дверному косяку. Мест за столом хватило только избранным. Леонов и Чернышова, как хозяева, со всеми были очень приветливы.

Оживление с каждой минутой нарастало. Потом вдруг как-то заговорили чуть ли не все сразу. Дело объяснялось просто: «старики» похаживали по очереди в кабинет Леонова и там «клюкали» по рюмочке.

К середине вечера поэт И.И. Морозов, молодой друг Леонова, так наклюкался, что, перебивая всех, со сбившимся на бок галстуком, громче чем следовало, стал декламировать свое излюбленное стихотворение:

*«Поэт, страдалец одинокий,
Творец возвышенных идей,
Живое сердце, ум глубокий...»*

А Петр Травин, потрясая черной, длинной и широкой, как лопата бородой, стараясь перебить Морозова, громко что-то говорил, грозя кулаком «гидре-злодейке пролетарской судьбе».

Кто-то из «стариков», помню, пытался урезонить Ивана Белоусова за то, что он якобы отрывается от суриковцев и братается с буржуазными писателями.

В эти годы Белоусов состоял одновременно и в литературно-художественном кружке. Общась с И. Буниным, Н. Телешовым, В. Вересаевым, он делал тогда попытки издавать ежемесячный «толстый» журнал «Путь». Журнал все же начал издаваться, но, кажется, на пятом номере закрылся из-за убытков.

Под конец вечера кто-то громко закричал:

– А ну вас! Надоела преснятина!.. Праскунин, жарь ты свои безбожные сатиры!

– Михаил Васильевич, прочитайте-ка вы что-нибудь новенькое, – попросила хозяйка дома.

Тогда к Праскунину подошел заметно повеселевший И. Морозов и, обнимая, поцеловал его. Потом он, приняв величественную позу и, картинно указывая на Праскунина, сказал:

– Вот Праскунин – это, товарищи, настоящий поэт!.. Он всем нам наладит по шапке своими стихами! – А потом, как бы поправляясь, добавил:

– Только Праскунин и Иван Морозов – настоящие поэты! Недаром мы с Мишей односельчане!.. Праскунин, подтверди, что мы с тобой – Рязань косопузая... Зарайские!

И.И. Морозов действительно был земляком Праскунина. Они оба были из села Подлесная Слобода. [И.И. Морозов родился в соседнем селе Луховицы, был крещен в Введенской церкви с.Подлесная Слобода – **прим. ред.**]

Потом долго читал Михаил Васильевич свои совершенно оригинальные, свежие, хотя и немножко грубоватые стихи. Мне запомнились его резкие «озорные» сатиры из подготовленной тогда к печати книжки «Злые песни» [Сборник «Злые песни», 1911 г., тираж которого почти полностью был уничтожен полицией – **прим. ред.**]

*«Пей, казна вином торгует.
Каждой сотке даден герб...
Кто не пьет, тот вьвяв ворует
И живет казне в ущерб...»*

Расходились под утро с приятным сознанием того, что не надо будет рано вставать на работу.

4

Годы шли... Надвигалась первая мировая война 1914 года. Многие суриковцы были призваны в армию... Потом вспыхнула долгожданная революция, гражданская война. И жизнь разбросала многих из нас по разным уголкам необъятной родины...

У членов Суриковского кружка за многие десятилетия установилась хорошая традиция: обязательно всем, кто был в Москве, ежегодно встречаться 7 мая (день смерти И.З. Сурикова) на Пятницком кладбище, на могиле покойного поэта...

И вот мне вспоминается 1921 год... Как и всегда – в урочный день гражданская панихида на Пятницком кладбище. В коротеньких выступлениях подводились итоги, выступали с воспоминаниями...

После многих лет я опять встретился с М.В. Праскуниным. Ему было около 45 лет. Но годы, казалось, не наложили своего отпечатка. Он по-прежнему был юношески бодр, весел. Его неиссякаемое остроумие, казалось, возмужало, сделалось углубленнее, я сказал бы, мудрее. Он даже не изменился и внешне: такое же кругловатое привлекательное лицо с небольшими, с хитрецей, острыми глазами, тот же чисто выбритый подбородок. Только темноватые усы стали будто немного длиннее. Как и раньше, он был одет в традиционную косоворотку и потертый рабочий пиджак.

Он, помнится, в это время уже переехал на родину и заведовал волостным отделом народного образования. Доподлинный сын народа Праскунин считал, что после революции его место – быть в деревне.

Тогда не верилось, что наша встреча с Праскуниным на могиле И.З. Сурикова будет последней...

С тех пор отзвенели еще около 40 лет... И какие сложные это были годы! Связь изредка поддерживалась перепиской. Своеобразный, совершенно особенный сатирический язык стихов он сохранил до последних дней жизни. Буквально почти за год до смерти в письме от 14 октября 1957 года, иронизируя над своею старостью, он, чисто «по-праскунински», писал мне:

*«От хвоста до гривы
Вся хребтина сбита.
Язвам от седелок
Саднить не впервой...
Растерял подковы,
Окромсал копыта,
Выросший в оглоблях
Мерин ломовой...»*

Но по части «утерянных подков» он, конечно, преувеличивал. Он продолжал писать. И буквально только за несколько дней до смерти у него вышла книжка стихов, может быть символически названная им «Дальняя дорога» [М.: Моск. рабочий,

1958 г. – **прим. ред.**], в которой собраны стихи, далеко, правда, не лучшие из огромного количества написанных им за долгую жизнь.

К Праскунину подкралась тяжелая болезнь, от которой он и умер 11 февраля 1959 года. Земляки с заслуженной честью похоронили поэта в его любимой Подлесной Слободе, ныне Московской области.

Праскунин «дальней дорогой» пришел обратно туда, где грудь его впервые 13 ноября 1877 года [30 октября по ст. стилю – **прим. ред.**] вдохнула деревенский воздух.

Великий Пушкин когда-то сказал:

*«...И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать...»*

То же завещал и М.В. Праскунин. Земляки в точности выполнили волю поэта.

От ред.: В с.Подлесная Слобода, на здании школы, где учился Михаил Васильевич Праскунин, установлена мемориальная доска. В г.Луховицы его именем названа улица.

(Печатается по публикации в газете «Путь к коммунизму», 1959 г., №№58-62).

Поэт И.И. Морозов и писатели-суриковцы (Сокращенная глава из «Литературных воспоминаний»)

1

*«...В моей душе живет свобода, –
Вулкан в подземной глубине.
Я – сын великого народа
И все народное во мне...»*

И. Морозов

Одним из самых ярких и, пожалуй, самых талантливых представителей писателей-суриковцев 1909-1915 годов был поэт Иван Игнатьевич Морозов. Он принадлежал к среднему поколению писателей, группировавшихся в названные годы вокруг Суриковского кружка.

К этому времени суриковцев старшего поколения, печатавшихся в товарищеских сборниках при жизни самого И.З. Сурикова, в большинстве своем уже не было, а голоса еще оставшихся в живых «стариков» растворялись в многоголосом хоре новых имен, пришедших позднее в народную литературу. Стихам Ивана Морозова в первом и втором десятилетиях текущего века [Воспоминания Е. Шарова были написаны в 50-е годы XX в. – **прим. ред.**] отводилось в журналах, по сравнению с другими поэтами, первое место.

Мое знакомство с Морозовым, перешедшее потом в многолетнюю дружбу, относится к 1910 году, когда, еще юношей, я стал бывать на литературных «субботах» в редакции сатирического журнала «Балалайка». Этот журнал, выходивший два раза в неделю, издавал тогда председатель Суриковского кружка М.И. Леонов, о котором я упоминал раньше.

Помню, какое неизгладимое впечатление произвел на меня с первой же встречи молодой жизнерадостный красавец и весельчак поэт Морозов. Он был немного сухощав, высокого роста. Широкий костяк его фигуры подчеркивал наличие здоровья и силы. Глаза у поэта были темно-карие, почти черные.

Прямой, немного утонченный к кончику нос и черные, негустые брови делали лицо его очень красивым. Самым же примечательным были волосы: совершенно черные, длинные, с пышным («поэтическим») зачесом назад. Они делали голову поэта огромной, пышной, очень напоминавшей голову Рубинштейна

в пору, когда композитор был молодым. Морозов знал об этом сходстве и старательно следил за своими волосами.

Впоследствии, когда подкрадывалась старость, Иван Игнатьевич в стихотворении «Обновленная хата» с грустью писал:

*«...Не жалею, родная хата,
Прядь соломенных волос,
Ведь и я носил когда-то
Рубинштейновский зачес...»*

Вопреки другим писателям-суриковцам, любившим рядиться «под мужика» – в сермяжную чуйку, нагольную шубу или в поношенный пиджак и косоворотку рабочего, Морозов всегда одевался хорошо, хотя и скромно. Черный костюм, мягкая рубашка с отложным воротником и обязательно с галстуком, черная мягкая шляпа делали его внешность очень приятной. Он, поскольку мне помнится, даже зимой носил только шляпу. И таким он остался до последних дней своих.

Если характеристики внешности некоторых писателей остались упомянутыми в литературе: у Максима Горького (особенно в его ранний период) – суконная блуза, у Леонида Андреева – поддевка и сапоги, у Арцибашева – бархатная «художническая» широкая рубаха, то во внешности Ивана Морозова следует отметить воспетый самим же поэтом «Рубинштейновский зачес».

Иван Игнатьевич был уроженцем села Луховицы, Зарайского уезда, Рязанской губернии (ныне город Луховицы, Московской области).

Родившись 13 ноября 1883 года в семье бедняка-крестьянина, он рано остался сиротой. Мать его, происходившая из среды сектантов-молокан [Согласно записи в метрической книге Введенской церкви с.Подлесная Слобода, где крестили И.И. Морозова, оба родителя поэта были «православного вероисповедания» – **прим. ред.**], была грамотной и смогла рано познакомиться сына с начатками церковно-славянской грамоты. Обучаясь потом в сельской школе, мальчик своими способностями и склонностью к писанию стихов, видимо, заметно выделялся среди других учеников. На него обратили внимание сначала учительница, а потом и уездный училищный инспектор, по совету которого по окончании школы мальчика стали готовить к поступлению в Рязанскую учительскую семинарию.

– Жаль, что этому не суждено было осуществиться, – потом с грустью вспоминал Иван Игнатьевич. – А из меня ведь получился бы неплохой народный учитель!

Дело в том, что суеверная мать поэта под влиянием «братьев по духу» – сектантов [см. примечание на стр.15 – **прим. ред.**] – побоялась, что сын «будет студентом» и «выбросит иконы с полки, а мать выгонит из дому». Она отказалась отдать единственного сына [на самом деле в семье было три сына, из которых Иван Игнатьевич – младший. – **прим. ред.**] в семинарию. И, к великому огорчению, будущий поэт так и не получил систематического образования.

Иван Игнатьевич часто потом с горечью вспоминал о неудачах своего детства, но он слишком горячо любил мать, чтобы обвинять ее за невежественное упрямство.

Способный, не по возрасту развитой мальчик, а потом и юноша Морозов заметно выделялся среди тогдашней безграмотной сельской среды, и его устроили в волость помощником волостного писаря. Здесь молодому Морозову открылись некоторые возможности для чтения книг, попадались в руки и периодические издания – газеты, журналы.

Но с особенной благодарностью Морозов вспоминал 1901 год, когда он, будучи восемнадцатилетним, познакомился с поэтом-самородком, другом покойного И.З. Сурикова. Это был В.К. Влазнев. Он жил тогда в близлежащем от Морозова селе Белоомуте и продолжал корреспондировать в московские газеты. Поэту Влазневу понравились стихотворные опыты волостного писаря. Старый поэт, указав на ошибки, помог Морозову освоить законы стихосложения. И вскоре после этого, в 1902 году, первое стихотворение Ивана Игнатьевича «Где вы, дни моей золотой весны?» было напечатано в одной провинциальной газете. [На самом деле это стихотворение было опубликовано в «Рязанском листке» 29 апреля 1904 г. – **прим. ред. по биографии И.И. Морозова в словаре «Русские писатели. 1800-1917».** Автор статьи – С.В. Лысенко (правнук И. Морозова)].

Морозов почувствовал необходимость заняться самообразованием, и в 1903 году он, тайно от матери, уезжает в Москву, где и устраивается писцом на Московско-Казанской железной дороге. Теперь все свободное время Морозов отдает систематическому чтению. В этот период стихотворения его стали чаще появляться в московских и провинциальных изданиях.

Затем, почти на три года, Морозова отрывает действительная военная служба. По отбытии этой «повинности», в конце 1908 года, Морозов снова в Москве. [После военной службы, в декабре 1908 года И.И. Морозов вернулся в с.Луховицы, крестьянствовал, служил писарем в волостном суде... В 1910 году переехал с семьей в Москву, снова определился работать на Николаевскую железную дорогу. – **прим. ред. по статье С.В. Лысенко**].

2

После первой революции 1905-1907 годов в общественной жизни страны наступила реакция. В ведущих писательских кругах почувствовался разброд, в творчестве появились упаднические мотивы. Стал укреплять позиции символизм, делалось модным богоискательство. Воспевался индифферентизм, безволие, неверие в движущие силы революции. Зазвенел поэтический мотив:

*«Куда пойти, какой дорогой.
Где дум мучительных исход...»*

В этот ответственный момент, может быть еще плохо разбираясь в сложной общественной обстановке, может быть почти интуитивно, но в писательской среде суриковцев именно в эти 1908 – 10 годы стал намечаться рост издательской деятельности и писательской интенсивности.

В издательстве «Посредник» в конце 1906 года вышла небольшая, но очень знаменательная для того времени книжка стихов одного из старейших членов Суриковского кружка С.Д. Дрожжина – «Песни рабочих», где поэт, вселяя бодрость в трудового читателя, говорил:

*«Пусть тьма кругом, как ночь осенняя, висит
И терн колючий нас мучительно язвит.
Пока своим лучом нам счастье не блеснет,
Мы будем все идти, хоть ощупью, вперед...»*

В эти годы вернувшийся с военной службы [приехавший из Луховиц – **прим. ред.**] Иван Морозов тесно связывается с Суриковским кружком. Он пишет много хороших лирических

стихов, печатая их не только в изданиях суриковцев. Его творчество крепнет и принимает ярко выраженное лирическое направление. Он воспекает красоту рязанских полей, красоту приокских лугов и равнин, где протекало его детство. Его занимает фольклор, он придает поэтические формы многим народным легендам. В это же время появляется и его, переложённая потом на музыку, знаменитая легенда-песня «Разрыв-трава». Теперь поэту охотно отводятся страницы в журналах: «Юная Россия», «Родина», «Жизнь для всех», «Весь мир», «Жизнь», «Народная мысль» и многих других изданиях. Кроме того, фелетоны и корреспонденции Морозова печатаются в газетах «Русское слово», «Раннее утро».

Морозов входит в правление Суриковского кружка, становится секретарем его, и вместе с М. Леоновым руководит деятельностью этой организации.

3

Вспоминается ноябрь 1910 года... Сколько энергии вложил тогда Иван Игнатьевич в организацию юбилея 75-летия жизни П.П. Филимонова, старейшего члена и много лет бессменного казначея Суриковского кружка.

Особенно у Морозова было много забот и хлопот, правда, совместно с М. Леоновым, по составлению, редактированию и изданию сборника стихотворений поэтов-суриковцев «Старый дуб». Интересная книжка была целиком посвящена старому «дубу» П. Филимонову, как, впрочем, и напечатана она была целиком на средства этого доброго одинокого старика. Сейчас сборник является исключительной библиографической редкостью. В нем И. Морозов напечатал пять своих изумительных по красоте лирических стихотворений, одно из которых – «Узник», вопреки лирической умонастроенности поэта, звучало в отдельных строках смелым по тому времени революционным призывом:

*«Зачем тюрьма? Зачем засовы?
Зачем цепей унылый звон?
И эти тяжкие оковы,
И этот мрак со всех сторон?
За то ль, что я любовь к народу
В душе хранил и ликовал,
И против тьмы протестовал
За угнетенную свободу?..»*

4

В 1910-11 годах в Москве имели широкое распространение литературные вечера с участием писателей. Такие концерты организовывал Московский литературно-художественный кружок, помещавшийся на Малой Дмитровке (ныне ул. Чехова). Основной костяк этого кружка составляли писатели, группировавшиеся тогда вокруг Телешовской «среды».

По их примеру стал развивать аналогичную деятельность и кружок Суриковский. Члены его, конечно, ни в коей степени не могли тягаться с известными большими писателями с Малой Дмитровки, устраивавшими свои платные концерты в залах Политехнического музея. Суриковцы удовлетворялись «малыми аудиториями», вроде зала Купеческого клуба или читального зала Польской библиотеки, находившейся тогда где-то в районе Мясницкой улицы (ныне ул. Кирова).

Мне вспоминается один из таких вечеров зимой 1911 года в Польской библиотеке.

В программе значились выступления авторов с чтением своих произведений. Были также приглашены и артисты. Иван Игнатьевич считался прекрасным декламатором стихотворений, поэтому свои вещи он должен был читать сам.

За сценой, как и полагалось в то время, был накрыт большой стол для угощения артистов и участвующих в программе авторов. Была и водочка. В антракте после первого отделения многие сидели за столом и прикладывались к рюмочкам. Среди выпивавших был и Морозов, хотя ему и предстояло выступать последним номером («покрывать программу лачком») во втором отделении. Кто-то напомнил поэту об этом. По-видимому, обиженный Иван Игнатьевич ответил игриво:

– Не беспокойтесь. Я в полной форме!

Наконец, и второе отделение приближалось к концу. Настал выход Морозова. Порядком к этому времени подвыпивший, поэт вышел на сцену читать стихотворение «Русь». Читал он, как и всегда, изумительно, хотя все мы, хорошо знавшие Морозова в подобных случаях, улавливали немного заплетающийся язык. Публике это было невдомек. Стихотворение большое. Но прослушивалось хорошо. А когда он прочитал:

*«Там, где бедствием гонимая,
Ты в заплатах и в пыли,*

*Вижу я в тебе, родимая,
И богатства корабли.
Вижу я тебя, забитую,
Но всегда в тебе я чту
И размах, и силу скрытую,
И горячую мечту...», –*

Зал разразился дружными аплодисментами, и чтец должен был долго ждать наступления тишины.

А заключительные строки:

*«Грянет песню – мир колыхнется,
Забывается печаль,
И в родном напеве слышится
Вера в солнечную даль...
Гой, красавица дородная,
Необъемлемая ширь!
Русь живая, Русь народная,
Разве ты не богатырь?!»*

вызывали что-то невероятное. Гром аплодисментов и возгласы «браво», «бис» не давали автору уйти со сцены, а когда поэт ушел, то снова до тех пор гремели вызовы, пока он не появился на сцене и стал на «бис» читать свое любимое стихотворение «Поэт».

Но самое курьезное было в том, что, выходя из-за кулис, Морозов прихватил за руку и свою старшую дочь – девочку лет восьми [на самом деле это была вторая дочь – Валентина – прим. ред.], и, держа ее за руку, начал чтение.

Такой комюфлет привел всех нас в ужас и грозил закончиться скандалом. Но слушатели, видимо, расценили это как-то по своему. Точно нарушилась преграда, отделявшая сцену от зрительного зала. Поэт, своей музой разбередивший сердца слушателей, сделался им будто ближе, роднее. Стихотворение было выслушано с исключительным напряжением. А когда поэт прочитал с акцентировкой последние строки:

*«В моей душе живет свобода, –
Вулкан в подземной глубине.
Я – сын великого народа
И все народное во мне»,*

то буре оваций не было конца. Публика, особенно молодежь, сошла со своих мест и, подойдя к рампе, благо этим номером

заканчивалась программа вечера, долго не давала поэту уйти со сцены. А поэт в экстазе метался по сцене, волоча за собой бедную готовую расплакаться девочку.

Несмотря на успех, вечер не смог все же покрыть расходов, связанных с его организацией. И плата за помещение потом много времени висела долгом Польской библиотеке.

5

Хочется вспомнить и еще один «горестный» случай, связанный с редакторством Морозова, которое свалилось на его голову неожиданно-негаданно.

Дело было в 1912 году. Суриковский кружок осиротел. М.Л. Леонов переехал тогда в Архангельск, где стал редактировать газету «Северное утро». Среди членов началась борьба за кандидатуру в председатели. То выдвигался много шумевший, но мало талантливый поэт Сергей Ганьшин, то совсем молодой ничем о себе не заявивший Г. Деев, то мало известный большинству членов Е. Афонин. Кружок распадался на неладившие между собою группировки. «Старики» стали отдельно собираться у Петра Травина, издававшего тогда газету «Доля бедняка» и сатирический журнал «Остряк». К нему присоединились Е. Нечаев, Ф. Шкулев, И. Белоусов, М. Савин, М. Тихоплесец, С. Брусков, Д. Варлыгин, В. Щуренков, М. Захаров, М. Волков и Михаил Праскунин, который в это время был секретарем «Доли бедняка» и «Остряка».

Правда, потом вскоре нашлась кандидатура в председатели в лице С.Н. Кошкарлова* (Сергея Зоревского). Эта кандидатура удовлетворила всех членов кружка. Но группировки все же продолжали оставаться.

К. Ковалев, М. Дудоров, Е. Шаров и присоединившийся к ним Н. Рогожин составили новое ядро, которое впоследствии выродилось в группу «Огни», оставившую заметный след в литературе того периода.

Огнивцы приступили сначала к изданию еженедельного журнала «Эхо». Лидер этой группы К. Ковалев имел некоторую возможность произвести на издание журнала необходимые де-

* С.Н. Кошкарлов после Октябрьской революции работал, как и автор настоящих строк, в «Правде». В начале 1919 года он был командирован в Уфу для редактирования местной газеты, но по дороге заболел тифом и умер.

нежные затраты. Официально редактором-издателем на обложке журнала значился отец К. Ковалева – переплетчик А.И. Ковалев, к литературе не имевший никакого отношения. В квартире же Ковалевых – на Сретенке, в Пушкаревом переулке, 15 – обосновалась и редакция.

После выхода, кажется, двенадцатого номера, «Эхо» было решено реорганизовать в ежемесячный журнал по типу много лет издававшегося дешевого и очень популярного тогда Миролубовского «Журнал для всех». Постановили новый журнал назвать «Огни», увековечив название самой группы. В это время к нам присоединились И. Морозов, С. Обрадович, Н. Назаров, В. Кузьмин, П. Вегин, В. Горшков, только что приехавший с юга Н. Ляшко и некоторые другие. Разработали программу журнала, рассчитанную на передовых рабочих и трудовую интеллигенцию – учителей, врачей, агрономов. Начальный денежный фонд на издание журнала был создан путем уплаты каждым участником денежного пая в три рубля. Некоторый издательский опыт у нас уже имелся.

Встал вопрос об ответственных за издание лиц – редакторе и издателе.

В редакторы самой подходящей кандидатурой был Иван Игнатьевич, как наиболее известный в литературе и самый старший (по летам) из всей нашей молодежной братии. По возрасту, пожалуй, подошел бы и Н. Ляшко, но он значился в политически неблагонадежных.

В те времена редактор каждого прогрессивного издания был вероятным кандидатом в тюрьму, а у Морозова была семья. Это обстоятельство для нас имело немаловажное значение: в случае «аварии» кто бы мог заботиться о содержании жены и двух [трех – прим. ред.] детей Ивана Игнатьевича? Но так как у нас не было иного выхода, решили пойти на риск.

В «издатели» журнала Н. Рогожин уговорил своего брата И.П. Рогожина, человека очень «смирного» и к литературе имевшего лишь то отношение, что вся упомянутая группа молодых ему была очень хорошо известна. Да к тому же мы знали, что и ответственность издателя не была большой.

На этом и порешили. Дело вскоре было официально оформлено, разрешение на издание получено, и ежемесячный журнал «Огни», стоимостью по годовой подписке в 65 копеек и объемом не менее двух печатных листов, получил право на суще-

ствование. В ноябре 1912 года вышел первый номер его...

Были сделаны в газетах «обменные» объявления, напечатаны проспекты и потекла подписка. В розничной продаже журнал стоил 7 копеек.

Даже по тогдашнему времени такая годовая подписка на ежемесячный журнал была почти невероятной. Но мы подсчитали, что даже при пяти тысячах годовых подписчиков издание могло быть вполне рентабельным... Ведь гонорара-то мы за литературный материал не получали, конечно, никакого. Более того, вся работа, связанная с изданием (транспортировка, канцелярская работа, счетоводство и прочие), выполнялась всеми нами тоже без всякого вознаграждения.

И журнал с первого же номера хорошо пошел по подписке. Стали получать благодарственные письма подписчиков, появились сочувствующие, присылавшие мелкие суммы в фонд издания журнала.

В нас было много энергии, много желания драться. Но опытного руководителя, который мог бы искусно вести журнал среди всяких цензурных рогаток, среди нас не было. И то, что неизбежно должно было бы совершиться, случилось на шестом номере. Комитет по делам печати (был такой изуверский орган!) журнал «прихлопнул». Редактора привлекли к ответственности по 129 ст. уголовного Кодекса (и статья такая каверзная была!) – «За агитацию против существующего строя» (и формулировка такая существовала!).

Иван Игнатьевич повесил голову. Предстояла сидка по меньшей мере года полтора-два... На чьем попечении останется семья? Этот вопрос не на шутку тогда всех нас встревожил. Но счастливый выход все же был найден.

На собрании группы говорим: «Николай Николаевич (это Н. Ляшко), у тебя есть опыт по части сидки. Садись за Морозова, браток, опять в тюрьму, ты человек одинокий, холостяк!»

На том и порешили. На суде было сказано, что Морозов отсутствовал, когда выпускался пятый номер журнала, а гранки подписывал, следовательно, и разрешал к печати журнал, Н. Ляшко (тогда предварительной цензуры уже не существовало), который на суде полностью и признал свою ответственность... Так сравнительно благополучно окончилась и редакторская деятельность Ивана Игнатьевича и издательская деятельность группы «Огни».

После неудачи с редакторством Иван Игнатьевич развил энергичную поэтическую деятельность. Правда, стихотворения его и во время выхода журнала «Огни» печатались помимо своего органа во многих других изданиях.

Вскоре его прекрасные стихи появились в «Пролетарских сборниках» [только во втором сборнике, 1918 г. изд. – **прим. ред.**], редактировавшихся тогда А.М. Горьким.

Великий собиратель и наставник писателей из трудового народа заметил И. Морозова. У поэта началась с М. Горьким переписка, в результате которой Алексей Максимович написал предисловие к первой книжке стихотворений поэта «Разрыв-трава», которая вышла в свет в 1914 году [в 1914 г. сборник был сдан в издательство, вышел только в 1917 г. из-за цензурных задержек – **прим. ред.**]. Горький в предисловии писал:

«И.И. Морозову представляется счастливая поэтическая будущность. По силе, легкости и красоте стиха с ним едва ли кто может сравняться из молодых современных поэтов, вышедших из народа.

Он принадлежит к числу тех писателей, которые идут в литературу прямо от земли, которые не проходят учений, никаких школ, никаких кружков, коверкающих душу и талант, и проявляют непосредственно захватывающие их чувства, навеянные родной жизнью, родной природой. И потому-то от подавляющего большинства теплых, сочных и свежих стихов Морозова веет черной, душистой, родной землей. Задушевность, простота и объективность являются главным основанием его творчества. Он одинаково просто, спокойно и оригинально выражает каждое свое чувство; его в равной мере захватывают и природа, и родной быт, и светлые дали. Выйдя из народа, он не порвал с ним ни духовной, ни физической связи» [см.: Горький, XXIV, с.167 – **прим. ред.**].

В 1916 году в Москве вышел второй сборник стихотворений «Красный звон» со статьей о жизни и творчестве Ивана Игнатьевича, написанной старейшим поэтом-пахарем С.Д. Дрожжиным и вступительными стихами А.А. Коринфского. Эти два сборника окончательно утвердили в литературе имя поэта-рязанца И. Морозова. [«Разрыв-трава», 1914 (1917) г.; «Красный звон», 1916 г. – **прим. ред.**]

Годы шли. Уже гремели пушки на фронтах первой мировой войны. Над страной все отчетливее, все грозней сгустились революционные тучи. Ждали неизбежного первого грома. И он прогремел в феврале 1917 года. Пронесшись потом грозным шквалом Октябрьской социалистической революции.

Иван Игнатьевич продолжал служить на железной дороге. Он настраивал свою лиру на революционные мотивы, целиком отдавая ее на служение восставшему народу. В стихотворении «Перед окном березка пожелтела», написанном в первый революционный период, он прямо заявляет:

*«...Я за позор седин не принимаю,
(Не сам же я свой волос серебрю)
И как уж пел я в молодости Маяю,
Так буду петь под старость Октябрю!»*

Морозов знал, что город и деревня – это такие две силы, из которых отдельно каждая существовать не может. Он видел, что революция сделает возможным слить их в одну творческую непобедимую силу. Это подсказало ему написать цикл прекрасных стихотворений о братском содружестве рабочих и крестьян. Такая мысль особенно хорошо видна в стихотворении «В город»:

*«Я к вам пришел из-под Рязани
На братский клич, на дружный зов,
С запасом песен и сказаний
Родных приокских берегов.
Я к вам пришел, купаясь в росах,
Нырять в пуще ковыля,
Где нарушал мой верный посох
Вечерний крик коростеля.
Еще не свеен дым овинный
Ни с головы моей ни с плеч,
И говор дедовский-старинный
Вплетается в живую речь;
И свеж кумач моей рубашки,
И обувь лычная легка,
И лепестки душистой каши
Висят на плечах армяка...
Я к вам пришел с лугов поемных
На праздник воли золотой,*

*Для вас принес я песен скромных
Согретых сердца теплотой...
Мы здесь в восторге небывалом
Тесней ряды свои сомкнем,
Чтоб в дружбе с камнем и металлом
Слились цветы и чернозем»*

Потом поэт пишет много песен, в которых говорит, что

*«...Переливом, перебором
Оглушу я все поля
И дойду с большим задором
До Московского Кремля...
И тряхну полой халата,
И напомним мостовой,
Где растут укроп и мята
С богородскою травой...»*

В лирическом восторге от деревенской природы он обещает:

*«От сел до города расстелем
Зелено-бархатную гладь,
Чтоб расцветить его и хмелем
Ржаного поля напитать...
И буйных сил приливом свежим
Вольемся в накипь суеты,
И сердце города разнежим,
И камни уберем в цветы.
Навеем запах земляничный
В растворы каменных громад.
И там, где дым навис фабричный, –
Расплещем росный аромат...
От наших сел мы в душистый город
Проложим новую тропу...
И застучит рабочий Молот
В ответ крестьянскому Серпу!»*

8

И в дореволюционные и в послереволюционные десятилетия дружбы у меня с Иваном Игнатьевичем было много интересных встреч. Я любил и один, и с моим другом поэтом Матвеем Дудоровым бывать у него на служебной квартире в

маленькой железнодорожной будке [Морозов жил тогда в двухкомнатной квартирке в доме для железнодорожников – **прим. ред.**]. Она находилась среди железнодорожных рельсов, где-то у Марьиной роши, на Веткиной улице, № 71. Он всегда встречал нас очень приветливо. А жена его Марья Трофимовна, простая крестьянка из его же родных приокских мест, торопливо усаживала нас за чайный столик. Мы делились литературными новостями, слушали его новые стихи и вспоминали далекие годы на заре своей молодости, когда мы «шумели» во всяких до-революционных кружках, редакциях и леоновских «субботах».

Время отсчитывало быстро текущие годы, десятилетия. Революция потом многих из нас разбросала по необъятным уголкам нашей Родины. Но переписка с Морозовым у меня неуклонно продолжалась все время. Он в письмах любил вспоминать прошлое. Сетовал на то, что уходит жизнь. Ему казалось, что он мало сделал для народа, мало написал хороших стихов.

В письме от 29 декабря 1940 года, за полгода до второй мировой войны, когда я жил уже в Калинин, он мне писал:

*«Бегут года, бегут куда-то,
Как тройка беженных коней,
И с каждым днем больней утрата,
И жажда жизни – все сильней!
И что б ни сделал, – все мне мало,
Сказать «довольно» не могу.
Не раз уж сердце горевало,
Что я у Родины в долгу...
А мир широк, и путь просторен.
И мне ль страшишься бурь и гроз,
Когда в запасе много зерен
Для незасеянных полос!»*

Позднее сообщал он, что чаще стал прихварывать, но поэтического пера из рук не выпускал. Поэт оставался исключительным жизнелюбом, с молодой нестареющей душой. Об этом он хорошо сказал в заключительной части одного из писем ко мне:

*«...Я ветром оваян, лучами охвачен.
И рвутся из сердца восторги живые.
Как будто я жизнь свою только что начал,
Как будто бы солнце я вижу впервые!»*

(Не знаю, сохранило ли время мои письма?).

Фашистское наступление в 1941 году заставило Москву готовиться к отпору врага. Иван Игнатьевич вместе с учреждением эвакуировался на Восток, откуда, впрочем, скоро вернулся.

После возвращения я в последний раз навестил его в самом начале 1942 года. Поэт, точно чувствуя свой скорый конец, сделал мне надписи на всех своих книжках. Особенно он дорожил сборником «Земля родная», изданным в 1919 году в Твери, и маленькой книжкой песен, изданной Государственным издательством в 1923 году. Песенник под названием «Разрыв-трава» (так же, как и первый сборник 1914 года) был издан массовым тиражом и очень быстро полностью разошелся. Поэт отдал мне свой последний экземпляр.

Книги и письма поэта у меня бережно хранятся как свидетельство дружбы с поэтом и гражданином, кто, выйдя из отсталой деревенской среды, прожил жизнь, не порывая ни духовной, ни физической связи с народом. В своей поэзии он умел бережно использовать всю многогранность оттенков русской народной речи. Оставаясь всегда в пределах чеканной пушкинской ясности, И. Морозов, не боясь упреков в «старомодности», до конца жизни оставался верен классическому реализму.

26 февраля 1942 года, на 59 году жизни, большое горячее, полное любви к родине и народу, сердце перестало биться.

Морозов был поистине одним из тех «врожденных идеалистов» – глашатаев, скромных, требовательных к себе, о которых он сам же писал:

*«...И ранний жаворонок, рея надо мною,
Напомнит песнею, как в пору прошлых лет.
И в стужу зимнюю мы грезили весною,
И в ночь туманную мы верили в рассвет».*

Следует пожалеть, что в свое время поэт не был по заслугам оценен полностью. Современные историки и литературоведы в большом долгу перед И. Морозовым и такими же, как и он, другими певцами-самородками, прокладывавшими пути proletарской литературы в трудные дореволюционные годы.

(Печатается по публикации в газете «Путь к коммунизму», 1960 г., №№32-37).

Отрывок из статьи «Четыре встречи» (о С. Есенине)

Мое знакомство с Сергеем Александровичем Есениным продолжалось до последних дней его жизни. Впервые я с ним встретился, помнится, в конце 1912 или в самом начале 1913 года в Москве, в Суриковском литературном кружке, членом которого я тогда был.

Кроме литературно-художественного, помещавшегося на Малой Дмитревке [Дмитровке – прим. ред.] (сейчас улица Чехова) и руководимого М. Горьким, Н. Телешовым, И. Буниным, в те годы был еще и Суриковский литературно-музыкальный кружок, объединявший писателей и композиторов из народа. Он был организован в свое время Иваном Захаровичем Суриковым, рано умершим поэтом-крестьянином.

До конца 1912 года во главе суриковцев стоял Максим Леонович Леонов, отец известного советского писателя Леонида Леонова. После же отъезда М.Л. Леонова в Архангельск, где он стал редактировать прогрессивную газету «Северное утро», председателем кружка на 1912 год был избран поэт Сергей Николаевич Кошкарров (Сергей Зоревой), присяжный поверенный, выходец из народа.

Собственного помещения суриковцы не имели, и собрания членов происходили то на квартире Кошкаррова, то в литературно-художественном кружке, а то просто в каком-нибудь трактире.

Вот тогда-то и появился Сергей Есенин. Поэту было лет шестнадцать-семнадцать. Он приехал из дебрей Рязанской губернии, вскоре после окончания двухклассной школы. Есенин казался почти мальчиком, затерявшимся в городе. Одет он был, если не изменяет память, в подержанную деревенскую поддевку. На ногах – аккуратные кожаные сапоги. Немного кудрявый, белый, синеглазый. Таким он запомнился по первой встрече.

Помню, собрание членов, на которое впервые пришел Сергей, происходило в одном из номеров меблированных комнат – «подворья» (нечто вроде гостиницы для приезжих), где-то на Петровке.

С.Н. Кошкарров, у которого поэт накануне был на квартире, познакомил собравшихся с гостем, назвав Есенина «молодым

крестьянином Рязанской губернии, пишущим стихи». Все очень заинтересовались юношей и сейчас же стали просить его что-либо прочитать.

Голос у подростка-Есенина был очень приятный, певучий, но почти детский. И читал он совсем по-особенному, растягивая слова:

*«О родина, счастливый
И неисходный час.
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.
Тебе, твоим туманам,
И овцам на полях
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках...
О Русь, о степь и ветры,
И ты, о отчий дом...
На золотой повети
Гнездится вешний гром...»*

Казалось, он не читает, а поет стихи, напоминая Константина Бальмонта. Бальмонт вот так же пел свои стихи о маори, о Полинезии, когда он выступал в Политехническом музее, вскоре по возвращении из путешествия по южно-океанским островам.

Крестьянскую тематику разрабатывали и до Есенина, мы знали много «крестьянских» стихов, но здесь все показалось таким новым, таким смелым. Чтение еще долго продолжалось. Много, что читал молодой поэт, им было значительно переработано впоследствии, а кое-что он и вовсе не помещал в своих позднейших сборниках, но в памяти на долгие годы осталось то неизгладимое впечатление от своеобразия и свежести юношеских стихов, которые он, может быть, в первый раз тогда прочитал в кругу литераторов.

Иные из присутствующих старых суриковцев – Филипп Шкулев, Михаил Савин, Егор Нечаев, Иван Морозов, Василий Миляев – тоже в своих стихах воспевали и крестьянский быт, и красоту деревенских раздолий, правда, в обычной манере поэтов «из народа». Они, искушенные поэты, просто пожимали плечами в крайнем недоумении и смущении.

Под конец Есенин так ошарашил присутствующих, что многие сидели буквально с разинутыми ртами, глядя с недоумением на худенького мальчика-поэта, как на пришельца из другого неведомого мира.

А когда он кончил читать, то все смотрели друг на друга, не зная, что сказать, как реагировать на совсем непохожее, что приходилось слышать до сих пор.

Есенин же, вытирая вспотевшее лицо платочком, смиренненько сидел и, казалось, с какой-то хитрецей наблюдал за смущенными лицами слушателей. Думаю, что он и тогда, правда, может быть инстинктивно, сознавал свое значение, ощущал значительность своего дарования. Мне показалось, хотя я был только на четыре года старше его, что Есенин пришел к нам именно затем, чтобы удивить, поразить, а вовсе не затем, чтобы выслушать наше мнение о своем творчестве и просить какого-то содействия в напечатании стихов. (Тогда Суриковский кружок издавал небольшие сборники стихов своих членов).

Я не ошибся. Через некоторое время Есенина перетянули в Петербург. Там Городецкий, Блок и Клюев показывали его в литературных салонах Зинаиды Гиппиус и других, как первородное чудо. Там же была напечатана и его первая книжка стихов «Радуница»...

Мы с Есениным стали изредка встречаться в Суриковском кружке.

Началась первая мировая война. Многие были призваны в армию. Я попал в Петербург, уже переименованный в Петроград, где снова встретился с Есениным только в 1917 году, в бурные революционные дни. <...>

(Печатается по публикации в журнале «Дон», 1971 г., №1).

СОДЕРЖАНИЕ:

В.В.Когтев. К читателю.....	3
Писатели-суриковцы и М.В.Праскунин.....	4
Поэт И.И. Морозов и писатели-суриковцы.....	14
Отрывок из статьи «Четыре встречи» (о С. Есенине)	29

Ефим Ефимович Шаров

Поэты-суриковцы

Михаил Праскунин и Иван Морозов

Отрывок из статьи «Четыре встречи» (о С.Есенине)

Из «Литературных воспоминаний»

Редактор-составитель: *В.В.Когтев*

Дизайн обложки: *Д.В.Минаев*

Компьютерный набор: *Л.С.Кузнецова, Т.В.Михалко*

Компьютерная вёрстка: *А.А.Минаева*

Финансовую поддержку в издании книги оказали:

О.В.Коробкова

Глава сельского поселения Головачевское

С.А.Столяров

Глава городского поселения Луховицы

С.С.Антипов

*Член Правления Московской областной организации
Союза писателей России, поэт, меценат*

Подписано в печать 11.11.13

Формат 60х90/16. Бум. офс. №1. Печать офсетная.

Гарнитура Minion Pro. Тираж 300 экз. Заказ № 2234

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская область, г.Коломна, ул.III Интернационала, 2а

Тел: 8(496) 618-69-33, 8(496) 618-60-16